

ПРИЗНАНИЯ ПОЭТЕССЫ

В плену у воркующей пошлости
Под милый рождественский гул
Заманчивые оплошности
Сменяют любви караул.
Гремят колотушкой компьютера,
Обходят дозором мечты.
Как все у меня запутано,
И как недоступен ты.
Бесстрашие – это отчаянье.
Бесстрашие – это тоска.
По клавишам получай меня,
Шифрованную свысока.
Как снег на Москву декабрьский,
Заврашующая – получай.
И снова рифмую дьявольский
Припевчик: «...Ля-ля, не скучай!»

Лилия Виноградова

Лилия Виноградова – лингвист, владеющий несколькими языками, поэт-песенник, много лет работающий с композитором и певцом Дмитрием Маликовым. Автор его хитов «Выпью до дна», «Звезда моя далекая», «Нет, ты не для меня», «Еще, еще» – не просто профессиональный словесник-самородок, она еще и музыкант с дипломом. Поэтесса окончила Училище имени Гнесиных историко-теоретико-композиторское отделение, училась в литературном Институте имени Горького на отделении поэзии, закончила докторантуру в Миланском государственном университете. Лилия Виноградова, дочь известной журналистки Дианы Берлин, уже 20 лет живет на две страны: в России и Италии, знает об отечественной эстраде все.

Но не о судьбах шоу-бизнеса пошел у нас разговор с поэтессой. Несмотря на то что Виноградова сотрудничает с Игорем Крутым, Дмитрием Хворостовским, Анжеликой Агурбаш и многими другими звездными персонами, она оказалась совсем непохожа на медийный персонаж. Одно из объяснений этому – полученная еще в юности «прививка» от звездной болезни: звание лауреата фестиваля «Песня года», когда Виноградовой не исполнилось еще и 18 лет. Да и детство ее прошло в доме, где гостеприимно встречали самых известных мэтров: Давида Тухманова, Александра Градского, Валерия Леонтьева, Льва Лещенко и Микаэла Таривердиева. Последний чрезвычайно повлиял на судьбу Лилии Виноградовой.

Eclectic № 4 (декабрь 2012 – январь 2013)

С этого первого признания и началась наша беседа.

Микаэл Леонович... Через него смогла окунуться в атмосферу 1960-х, где были люди огромного масштаба, а не мелкотравчатые. И Таривердиев – один из таких крупномасштабных людей. Он научил меня, во-первых, тому, что в жизни самое главное – это позиция во всем. Чтобы я ни делала – встаю утром, пью кофе, делаю первый звонок. Если в Италии – везу ребенка в школу, если в Москве – еду на какую-то встречу или остаюсь работать дома за компьютером – во всем, в каждом жесте и мысли должна быть позиция. И я ее, елки-палки, должна придерживаться, а не быть флюгером. И нужно уметь не бояться быть неудобной, непolitкорректной. Я очень уважаю людей, которые думают не так, как я. Может быть, я с ними в корне не согласна. Но они умеют правильно мотивировать, а не тупо стоять на своем, потому что гибкость ума – это признак его наличия. Мы всегда можем изменить свою точку зрения, безусловно. Но и в этом тоже должна быть позиция. Нужно четко понимать предмет и уметь убедительно рассказать о нем людям. Это очень важно. Еще Микаэл Леонович научил тому, что табу – это то, от чего надо отказываться всегда и во всем. Запретов, каких-то ограничений нет – ни в любви, ни в творчестве.

Правда ли, что только читатель ищет в слове волшебную суть, а для поэтов слово – всего лишь рабочий инструмент?

Я все-таки вслед за Бродским скажу: поэт за языком, а не язык за поэтом. Нас ведет язык. Скажу вам больше: считаю, что язык первичен для всех людей на свете. Язык – это самое главное вообще, что у нас есть. Это то, что определяет сущность, если хотите, национальную и даже государственную. Надо очень осторожно к языку относиться.

Eclectic № 4 (декабрь 2012 – январь 2013)

» Припевы, куплеты... Она занимается тем, что из песни не выкинешь: слова – ее стихия.

Но в песне ведь, получается, музыка главнее слов?

Как сказать. Это, знаете, вопрос такого уровня, как яйцо и курица — что раньше? Не знаю, что главнее в песне. Все зависит от жанра, в котором эта песня написана. Если говорить о клубном проекте — конечно, музыка главнее. Даже не музыка, а саунд. Другое дело — французский шансон. Или, скажем, рэп или фристайл. В них что важнее? Конечно, слово. Кстати, я помешана на Eminem. А люди, которые не очень хорошо владеют английским языком, не могут оценить степень, уровень его genialности. Между тем он большой англоязычный поэт. Что у него главнее — музыка или слова? Я думаю, что слова.

Если перейти от слов к делам дней минувших и вспомнить историю вашей первой песни...

Она смешная! Мне было 15 лет, я была студенткой, готовилась стать серьезным музыкантом, музыковедом. И писала стихи. Однажды очень талантливый ленинградский музыкант, автор и исполнитель песен Виктор Резников, который был большим другом моей семьи, предложил мне написать стихи на его му-

зыку. Я только потом узнала, что это называется «подтекстовка». В итоге песню эту исполнил эстонец Тынис Мяги, она получилась скромной, а не хитовой, и я даже не помню, как называлась. Но так с Витиной легкой руки началась моя песенная карьера. Второй опыт — «Карточный домик» — композиция, где тоже музыка Резникова, а стихи — мои. И я до сих пор ее люблю, несмотря на то, что ей 158 лет в пятницу. С этой песней мы с Витей стали лауреатами «Песни года». И мне, как несовершеннолетней, не хотели давать диплом.

Таривердиев, Резников... Вам с композиторами большого таланта удалось повстречаться. Какое-то сказочное везение!

Да, мне очень повезло. Признаю, я вообще изначально везучий человек. Мне почему-то люди всегда дают большой кредит доверия. Что в творчестве, что просто в общении. Мне доверяются, но я понимаю, что это огромная ответственность и это надо оправдать. Это непросто, потому что все время в подсознании держу — а смогу ли, а буду ли соответствовать? Иногда возникает чувство неуверенности в себе, хотя, конечно, только дураки всегда в себе уверены.

Вы такая естественная, простая в общении! Между тем находитесь в постоянной связке с теми, кого народная молва давно окрестила звездами. Насколько трудно работать с первыми лицами в популярной музыке?

У меня простой рецепт в общении со звездой. Впрочем, как и в общении со старшей по подъезду в моем доме в Москве, и с бабушкой на улице, которой я подаю, скажем. Рецепт один: я всегда одинаковая. Такая, как есть. С вами, с Игорем Крутым (условно), с мамой и дочкой... Надо просто быть самой собой и не пытаться, тогда всегда будешь уместна и хороша. И думаю, успех приходит, когда соответствуешь сама себе прежде всего. И, знаете, ненавижу, когда репетируют улыбку перед зеркалом. Это всегда видно. Очень не люблю фальшивых и жеманных людей. Ненавижу отставленный мизинчик, когда принимаются в позы в разговоре.

Вы выпускаете поэтические сборники, включая «Те и другие берега». Наверняка многие из пишущих коллег, ко мнению которых вы прислушиваетесь, выражали недоверие к вашей деятельности на ниве шоу-бизнеса?

Я избавилась от стыда за то, что, сейчас уже можно сказать, вполне популярный поэт-песенник, лет семь назад. А раньше до ужаса стыдилась этого и жила в вечном конфликте с собой! Когда еще училась в Литинституте, мои песни уже звучали повсюду на радио и телевидении, и мне уже тогда, как признанному автору, шли гонорары. А я так стыдилась, когда объявляли авторов песен! Услышав: «Музыка такого-то, слова Лилии Виноградовой», меня спрашивали: «Это ты?» Я отвечала: «Нет-нет, это не я!»

В то время меня взял к себе на семинар Евгений Михайлович Винокуров. Туда хотели попасть все, но он подходил к студентам очень избирательно. И меня иногда подвозили до вуза различные известные персоны отечественной эстрады, например, Игорь Крутой (он тогда только-только купил первую машину «Жигули»). В то время гремел

по стране его хит «Мадонна», и в метро ему уже сложно было ездить. Я всех просила высаживать меня на другой стороне улицы, чтобы не дай бог никто не заметил! Винокуров (кстати, автор знаменитого шлягера «Серёжка с Малой Бронной, и Витька с Моховой») говорил мне: «Виноградова, не пишите песен. Они убьют в вас стихи». Понимаете, в каком комплексе неполноценности я прожила столько лет?

Чтобы тема этого внутреннего конфликта закрылась раз и навсегда, что же все-таки послужило «ключом от замка»?

Наверное, моя работа в проекте «Дежавю» с Игорем Крутым и Дмитрием Хворостовским. Получается, благодаря тому же Крутому это произошло. Я вообще за многое ему благодарна. В частности, за то, что он дал мне возможность реализоваться и как серьезному поэту, которому нечего стыдиться, и как саунд-продюсеру. Притом он дал мне абсолютную свободу — свою музыку — и сказал: «Делай с ней, что хочешь». Это были два года погружения в творчество и во французский и итальянский... Хворостовский и сейчас концентрирует с «Дежавю».

У меня сложилось впечатление, что в тандеме с Дмитрием Маликовым, скорее, вы играете «первую скрипку», лепите из него романтического героя — любимца публики. Это так?

Мы с Димой очень близкие друзья, мы вместе выросли, это мой лучший друг. И всю жизнь, лет с семи, мы рядом. Он человек, который обо мне знает абсолютно все. И наоборот. Если вы что-то захотите узнать обо мне — спросите у него. Правда, он фиг расскажет (смеется). И я о нем — то же самое. А что касается песен, мы с Димой всегда все проговариваем. Часто беседа о жизни, переходим к песне, которая у нас сейчас в работе. Все происходит естественным образом. Кроме того, мы в принципе с ним идем параллельно по жизни. Какие-то истории случаются у нас одновременно. Бывает много даже биографических совпадений.

У нас творческое взаимодействие: я питаюсь от его артистического заряда, а он — от того, что пишу для него я. Но сказать, что я его леплю, вкладываю в него текст, словно он робот, конечно, нет! Дима — личность.

Я привыкла смеяться от боли,
и слезы — в кулак.
У меня от «нельзя» до «хочу»
по-над бездною шаг.
Я взрываю и строю сама
золотые мосты.
Оступиться не страшно — теперь,
когда где-то есть ты.

Лилия Виноградова

Лилия Виноградова призналась, что не хранит черновики, безжалостно выбрасывает рифмы, которые не вдохновляют. Что был в ее жизни мрачный период, равный году, когда жила вне поэзии — не писалось вообще. Что внезапный переезд в Италию когда-то стал не побегом от реальности, но вынужденным порывом. Что не боится ничего, кроме как за близких...

Беседовала Юлия Смолякова
Фотографии: Леонид Максимов

